

УДК 172.4

«Политика ненасилия» – *contradictio in adjecto*

Сагикызы Аяжан

доктор философских наук, заведующая Отделом философии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 050010 Республика Казахстан, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29. E-mail: ayazhan@list.ru

Аннотация. В современном философско-политологическом дискурсе воздается должное высокому гуманистическому пафосу учений о ненасилии. Невозможно исключить силу из политики. Задача гуманизации политики в этом плане понимается как минимизация насилия, ограничение властного насилия принципом его применения лишь в безусловно необходимых случаях, а переход к политике, построенной на принципиальной недопустимости насилия, не рассматривается как практически значимая альтернатива требованию законодательного и нравственного ограничения властного насилия. В эпоху глобализации человечество нуждается в глобальной политической этике и эффективных технологиях реализации ее принципов, которые должны противостоять волнам насилия, террора, разнообразных форм дискриминации, практикам манипуляции сознанием и прочим проявлением антигуманизма.

Ключевые слова: гуманизм; насилие; ненасилие; глобальная этика; гуманизация политики; делиберативная демократия.

Введение. Обращение к истории социально-политической мысли свидетельствует о том, что идеи ненасилия присутствовали в самых разных культурах, при самых разных социально-экономических типах устройства общества и политических режимах. В исследованиях политической истории, проводимых с использованием методологии культурно-цивилизационного и компаративистского анализа, отмечается, что общим контекстом этих исследований должно быть уяснение различий в фундаментальных основаниях мироотношения, свойственных различным культурно-цивилизационным мирам. Как правило, основная демаркационная линия проводится между Восточным и Западным типами культурно-цивилизационного развития, которые определены основополагающим различием в выборе стратегического пути развития. Запад избрал ориентацию на преобразующую деятельность, направленную как на внешнюю природу, так и на сферу социальных отношений. Эта доминирующая интенция получает статус фундаментального (субстанциального) основания отношения человека к миру, и, соответственно, рассматривается как главное предназначение человека.

Господство над природой должно быть обеспечено познанием и использованием ее законов посредством развития науки и основанных на ней технологий. В сфере политики как господства над социальными отношениями деятельностно-преобразующая установка техногенной цивилизации наиболее адекватно реализовалась в концепции демократии как социально-политического сообщества, организованного на принципах свободы и автономии личности.

Целью данной работы является анализ онтологических обоснований гуманистического мировоззрения и этики ненасилия как центрального пункта культуры традиционного общества.

Парадигмы анализа международной политики и ее субъектов. Классик британской школы международных политических отношений Хэдли Булл отмечает, что в анализе межгосударственных отношений сложилось три конкурирующих между собой парадигмы анализа и описания международной политики и ее субъектов (Bull 1977, s.802-806).

1) Гоббсианская («реалистская») традиция описывает международные политические отношения как состояние войны всех против всех, как ярко выраженную игру с нулевой суммой, поскольку интересы каждого государства исключают интересы любого другого государства. По словам Платона, мудрый законодатель должен руководствоваться в своей деятельности пониманием

того, что все находятся в войне со всеми как в частной, так и в общественной жизни, и каждый с самим собой. Расширенной или модифицированной версией этой традиции является концепция Самюэля Хантингтона о сущности современного миропорядка как столкновения или войны цивилизаций. Гоббсианская модель исходит из постулата о том, что любые моральные цели и мотивы в международной политике – это цели и мотивы самого государства, цели и мотивы его самоутверждения. Поэтому взаимоотношения государств развиваются в морально-правовом вакууме, а единственные правила или принципы, действенные в этой сфере политики как этатизированной системы перманентной войны и насилия – это правила выгоды и целесообразности, отторгающие все гуманистические проекты.

2) Кантианская («универсалистская») традиция исходит из того, что сущностным содержанием международной политики является не конфликт между национальными государствами или союзами государств, а надгосударственные, транснациональные социальные связи, соединяющие индивидов как граждан единого человеческого сообщества или *системы свободы*, в котором организация «внешних форм общежития» согласована с принципами самозаконодательства свободной воли индивида. Согласно Канту, к идеалу всемирного граждански-правового состояния общества, обладающему априорной достоверностью как долг человеческого рода по отношению к самому себе, люди как моральные существа не могут не стремиться. В области международных отношений имманентно присутствуют моральные императивы, но эти императивы предписывают не расширение и углубление отношений сотрудничества между государствами, а ниспровержение системы государств и ее замену космополитическим сообществом, основанным на сообразной с ценностно-нормативными требованиями «чистой нравственности» ассоциированной деятельности свободных индивидов.

3) Гроцианская («интернационалистская») парадигма занимает промежуточную позицию по отношению к реалистским и универсалистским установкам анализа международной политики. Как и в гоббсианской традиции, здесь главными субъектами международной политики считаются национальные государства в системе государств, а не человеческие индивидуумы (как это утверждается сторонниками кантианской модели). Но в отличие от реалистской модели гроцианская парадигма рассматривает взаимодействие суверенных государств как подчиненное определенным международно-признанным моральным и правовым нормам, в рамках которых разворачиваются отношения не только соперничества, но и сотрудничества. Отличие гроцианской и кантианской модели заключается в том, что первая рассматривает международную политику в контексте международного общества, а вторая рассматривает функционирование потенциального сообщества человечества в международной политике.

Гуманизм и политика. На основании каждой из отмеченных Х. Буллом парадигм сформировались разнообразные политические доктрины, предлагающие различные интерпретации международно-политических отношений. Вместе с тем следует подчеркнуть, что описанные Х. Буллом модели международной политики являются не только формами, в которых осуществляется ее концептуальный анализ, но они практически реализуются в политической идеологии и практике межгосударственных отношений. Гуманистическое содержание политики выступает в сложных отношениях зависимости от того, каким образом распределяются и взаимодействуют данные модальности международной политики в тот или иной конкретный исторический период.

Гоббсианская модель международной политики, основанная на силовом противоборстве государств, отнюдь не отошла в прошлое в эпоху глобализации. При этом современная политическая идеология, основанная на

постулатах гоббсианской парадигмы, предлагает различные способы легитимации применения разнообразных форм насилия в межгосударственных отношениях. Насилие, в том числе и прямое применение военной силы в обход государственных границ и норм международного права, провозглашается одним из необходимых способов утверждения гуманистических ценностей, продвижения в глобальном масштабе принципов свободы, демократии, прав человека. Разрабатывается и соответствующий политический лексикон терминов и фразеологизмов, в котором неопределимую роль для политической идеологии играют эвфемизмы типа «гуманитарная интервенция», «миротворческие силы». С помощью подобных идеологических конструкций моральные императивы политики, которыми руководствуется кантианская парадигма, вписываются в структуры политики, направленной на защиту интересов и реализацию своекорыстных целей национального государства (его политической элиты). Государства, в том числе и относящие себя к наиболее развитым политическим режимам консолидированной демократии, берут на себя, помимо решения собственно политических задач, еще и духовную миссию, поднимая свою деятельность до этических высот и тем самым открывая дорогу для насилия и конфронтации внутри и вовне страны (А.А. Гусейнов).

Типичная морально-демагогическая аргументация, применяемая в этом случае, заключается в том, что принцип государственного суверенитета, международное право, в том числе Устав и Хартия ООН и многочисленные конвенции, могут не соблюдаться во имя защиты «гуманистических ценностей свободного мира».

Общетеоретическая проблема, поставленная классификацией Х. Булла, заключается, в том, возможна ли политическая практика и соответствующая политическая идеология установления справедливого, ненасильственного мирового порядка, реально основанного на принципах ненасилия, как в международных отношениях, так и в сфере политики в целом.

Ненасилие как моральный призыв или идеал. Ненасилие как идеал утопичен и не может служить нормативной или теоретической моделью реальной политики в реальном мире. Насилие как таковое неискоренимо, и попытки очистить от него политику способны обернуться лишь новыми кризисами, трагедиями и страданиями, как и любые попытки практической реализации любых благонамеренных социальных иллюзий. Речь может идти только о гуманизации насилия, об избавлении от его крайних, варварских, бесчеловечных форм и их замене «формами цивилизованными, рациональными, социально приемлемыми и ответственными» (Babin 2001, s. 95). Поскольку сущностью государства, согласно М. Веберу, является отношение господства людей над людьми, опирающееся на монополию на легитимное насилие, то идеал ненасилия предполагает безгосударственную, следовательно, неполитическую, организацию общества, т.е. переход к совершенно иному типу социальной онтологии, нежели тот, который определял весь ход культурно-цивилизационного развития человечества, начиная с древнейшей истории.

Б.Г. Капустин, развивающий своеобразную «теоретическую этику политического насилия», полагает, что насилие связано с политической властью не случайно и не внешним образом, но должно быть включено в определение сущности и природы политики: «Насилие – не акциденция, но часть самой субстанции категории «политика»... политика насильственна всегда, хотя формы насилия и цели его применения могут варьироваться в зависимости от политического контекста» (Kapustin 2003, s. 6). При абстрактно-гуманистическом подходе, свойственном, например, классической традиции нравственной философии, политической философии Просвещения и т.д., разум противопоставляется насилию (согласно А.А. Гусейнову, с позиций

гуманистической философии и теоретической этики «насилие не может быть вписано в пространство разума и морали»). В «критической теории» Франкфуртской школы и в концепциях постмодернизма в целом разум низводится к орудию насилия. Л. Витгенштейн приходит к выводу о том, что насильственный характер носит любая логически строгая аргументация. Согласно М. Фуко, вся до сих пор протекавшая человеческая история выступает по своей сути и поэтому может быть понята как смена одного вида насилия, введенного в систему рационально обоснованных и узаконенных правил отправления политической власти, на другой. Но эти две концепции отношения разума и насилия, по мнению Б.Г. Капустина, односторонни. С его точки зрения, нормативно-сущностное и вместе с тем конкретно-исторически определенное противоречие политики наиболее адекватно передается формулой: *«Разумное насилие господства и разумное насилие сопротивления»*. В соответствии с этой формулой ненасилие предстает не как альтернатива или контрадикторная противоположность насилия, но как его специфическая форма или «момент». Например, по учению Махатмы Ганди, ненасилие не равнозначно непротивлению политическому насилию (угнетению, дискриминации, политическому диктату, произволу, принуждению, беззаконию и т.д.), но оно должно *пересилить насилие*.

Нравственные и вместе с тем политические характеристики феномена насилия определяются тем, что насилие есть «узурпация свободной воли» (А.А. Гусейнов). Поэтому, скажем, если я силой препятствую нетрезвому приятелю сесть за руль машины, то эти действия можно квалифицировать как «насилие во благо»: будучи насилием по признакам физического порядка, они не являются насилием по своему нравственному содержанию. Это не насилие над свободной волей, а подавление несвободной и неразумной (нетрезвой) воли. Однако здесь возникают каверзные вопросы. Например, если отец заставляет сына учить уроки, когда тот не имеет ни воли, ни желания этим заниматься, то являются ли эти действия насилием? Если не отрицать у ребенка наличия свободной воли (а по отношению к старшеклассникам или студентам такое отрицание крайне затруднительно), то применение предложенного А.А. Гусейновым формального критерия требует квалифицировать эти действия именно как насилие. В этом смысле Б.Г. Капустин справедливо замечает, что насилие есть функция ситуации, а не самостоятельная сущность. Но тогда повисает в воздухе приведенный выше по тексту его же тезис о субстанциальности политического насилия, о том, что «политика насильственна всегда, хотя формы насилия и цели его применения могут варьироваться в зависимости от политического контекста». Точнее говоря, этот тезис вводится в определенное понимание сущности политики как ситуации, определяемой субстанциальным отношением принуждения, навязывания своей воли другим вопреки их сопротивлению, ситуации столкновения господствующей и противоборствующей воли. Но если политика априорно определяется как отношение насилия в его различных проявлениях и формах, то «политика ненасилия» становится *contradictio in adjecto* – противоречием в определениях. Соответственно, гуманистические измерения политики становятся при этой предпосылке производными того же структурно укорененного в политике феномена насилия.

Следуя этой логике, Б.Г. Капустин, излагая «азы философии праксиса», которые вместе с тем есть и «азы политики», утверждает: «Политика возможна лишь как игра свободных и разумных волей друг с другом, в которой взаимное насилие всегда присутствует как условие свободы и нравственного самоопределения людей. И эта игра предотвращает узурпацию Разума одной из сторон, ибо разум – всегда нечто оспариваемое в игре и вместе с тем формируемое ею» (Капустин 2003, s. 13). В этом своеобразном определении «Номо politicus» (человека политического) как синтезе представлений о

человеке как «Homo ludens» (человеке играющем), «Homo sapiens» (человеке разумном) и «Homo hostilis» (человеке враждебном) именно последнее выступает определяющим основанием. Если насилие выступает трансцендентальной структурой и субстанциальным началом разума, нравственности, свободы, то прекращение взаимных насилий означает конец политического и начало «страшного безмолвия угнетенных». В отношении нашей проблемы (проблемы гуманистических измерений политики) из занятой Б.Г. Капустиним позиции следует, что не переход к диалогу, взаимопониманию, сотрудничеству и т.д. сторон или субъектов политического процесса, но постоянное воспроизведение политического насилия является имманентной формой и условием *sine qua non* процесса гуманизации политического пространства даже самого благополучного либерально-демократического общества. Насилие, являясь, по содержащемуся в книге Ж. Сореля «Размышления о насилии» определению, вмешательством разумной воли в действие механических причин, и есть признание свободной воли, чести и достоинства тех, на кого оно обращено.

Выводы (о модели делиберативной демократии). Как показывает анализ, гуманистический смысл насилия как этико-политического феномена заключается в том, что «творческое» насилие есть «борьба за *общую мораль* против аморальности «механической системы» (Kapustin 2003, s. 24) – в том числе и прежде всего системы ключевых институтов современного либерального общества.

В современной политической философии осознается и реализуется необходимость возвращения к заложенной еще Аристотелем традиции понимания политики как свободного от принуждения и предрассудков взаимодействия равных и свободных граждан, которые, формируя общие ценности и просвещая друг друга, вырабатывают в этом общении или коллективном мыслительном процессе знание (эпистеме) и практическую мудрость (фронезис), позволяющие им принимать справедливые политические решения. Так, например, возвращением к этой традиции и к обоснованной Кантом концепции политических процедур как «публичного употребления разума» является разработанная Юргеном Хабермасом модель делиберативной демократии. В теории делиберативной демократии «неограниченный дискурс свободных и равных граждан является основанием легитимности институтов и норм демократического общества: институты легитимны постольку, поскольку они устанавливают организационную структуру свободного публичного обсуждения, нормы легитимны в той мере, в какой они являются результатом такого обсуждения» (Busova 2002, s. 51).

Таким образом, модель делиберативной демократии совмещает ценностно-смысловое и рационально-процедуралистское измерение демократического процесса политического самоопределения граждан на основе открытого обсуждения экономических, политических, социальных проблем и принятия политических решений.

Әдебиеттер тізімі / Список литературы

- 1 Бабин И.А. Геополитика и культура мира как факторы обеспечения безопасности: дис. ... канд.полит.наук. - Ставрополь, 2001. - 187 с.
- 2 Капустин Б.Г. К понятию политического насилия // Полис. - 2003. - № 6.
- 3 Бусова Н.А. Делебиративная модель демократии и политика интересов // Вопросы философии. - 2002. - № 5. - С. 44-54.
- 4 Bull H. The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. - N.Y.: Palgrave, 1977.

References

- Babin 2001 - Babin, IA 2001, *Geopolitika i kultura mira kak faktoryi obespecheniya bezopasnosti*, Stavropol, 187 s.
- Bull 1977 - Bull, H 1977, *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*, Palgrave, N.Y.
- Busova 2002 - Busova, NA 2002, *Deliberativnaya model demokratii i politika interesov*, *Voprosy filosofii*, № 6.
- Kapustin 2003 - Kapustin, BG 2003, *K ponyatiyu politicheskogo nasiliya*, *Polis*, № 6.

«Күш көрсетпеу саясаты» – contradictio in adjecto**Сағиқызы Аяжан**

ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, философия ғылымдарының докторы, философия бөлімінің меңгерушісі. Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы, Құрманғазы көш, 29. E-mail: ayazhan@list.ru

Түйін: Қазіргі философиялық-саясаттанулық дискурста күш көрсетпеу туралы ілімнің жоғары гуманистік ынтасына қажетті дәрежеде орын берілген. Саясаттан зорлық-зомбылықты алып тастау мүмкін емес. Саясатты гуманизациялау зорлық көрсетуді барынша азайту ретінде түсініледі, биліктің күш қолдануын тек шартты түрде қажетті жағдайда ғана пайдалануын білдіреді, ал саясаттың күш қолдануды қажет етпейтін түріне көшуі биліктің зорлықты заңды түрде және адамгершілік тұрғысынан шектеу альтернативасы ретінде қарастырылмайды. Жаһандану дәуірінде адамзат саяси этиканы және оның принциптерін тиімді түрде іске асыру технологияларын қажет етеді, олар террорға, зорлық-зомбылыққа, дискриминацияның бірқатар формаларына, сананы алдап-арбау практикасына және антигуманизмнің басқа да көріністеріне қарсы тұруы тиіс.

Түйін сөздер: гуманизм; зорлық; күш көрсетпеу; жаһандық этика; саясатты гуманизациялау; делиберативті демократия.

«The policy of non-violence» - contradictio in adjecto**Sagikyzy Ayazhan**

Ph.D., Associate Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies of Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. 050010, 29, Kurmangazy str., Almaty, Republic of Kazakhstan. E-mail: ayazhan@list.ru

Abstract. Currently, high humanistic pathos of doctrines about non-violence has acquired adequate place in philosophical and political discourse. It is impossible to exclude the force from politics. The problem of humanization of politics in this regard is understood as minimization of violence, restriction of imperious violence with the principle of its application only in certainly necessary cases, and transition to the policy constructed on basic inadmissibility of violence is not considered as almost significant alternative to the requirement of legislative and moral restriction of imperious violence. The mankind needs global political ethics and effective technologies for realization of its principles which have to resist the waves of violence, terror, various forms of discrimination, practices of manipulation with consciousness and other manifestation of anti-humanity during the globalization epoch.

Keywords: humanism, violence, non-violence, global ethics, humanization of politics, deliberative democracy.